

Игорь Лисицын

Всё сначала

18+

Игорь Лисицын

Мобилизованные. Всё сначала

<https://litres.ru/73864869>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это голос, который вы уже слышали в книге «Мобилизованные. Всё закончится быстро». Там вы узнали историю внезапного погружения в иную реальность. Теперь тот же голос возвращается, чтобы рассказать нечто иное.

Не продолжение, но и не начало. Скорее — ещё одна, параллельная исповедь. В центре — психологический портрет человека, для которого война не заканчивается никогда.

«Всё сначала» — это не хроника боёв, это карта минных полей в человеческом подсознании, где каждый триггер ведёт в детство, а каждый прилёт аукается годами спустя. И самое страшное здесь — не взрывы, а тишина. Та, в которой остаётся жить тот, кто выжил. Чтобы начать всё сначала

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	31
Г	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Игорь Лисицын

Мобилизованные.

Всё сначала

Глава 1

Всё сначала

Валерий

Ночь дышала ледяным паром, и каждое дыхание Валерия превращалось в короткое, жёсткое облачко, тут же разрываемое ветром. Где-то за спиной, в тёмной громаде леса, дремали танки — их броня, покрытая инеем, тускло отсвечивала в свете далёких, не своих, пожарищ. А впереди, за мёрзлым полем, лежала та сторона. Там сейчас творилось что-то невообразимое.

Небо над горизонтом не горело, а жило своей, безумной жизнью. Всполохи залповых систем рождались где-то в глубокой тьме, как подземные толчки, и вырывались наверх внезапными, огненно-красными росчерками. Они рассекали темноту, замирали на миг — и тогда с опозданием доходил

сухой, раскатистый треск, похожий на ломающиеся гигантские кости. Потом за краем земли, на той стороне, начиналось. Свет становился багровым, пульсирующим, и сквозь свист ветра долетали приглушённые, мягкие звуки разрывов — словно кто-то бил кулаком по сырой земле с неба. Волна, потом ещё одна. Атака была истеричной, долгой, бесконечной. Ночь превратилась в огненный ад для тех, кто там, в этом котле.

Валерий стоял в своём узком окопчике. Отсюда, из лесополосы, было видно только выходы — вспышки далёких орудий, будто кто-то чиркал гигантскими спичками за краем мира. Он смотрел на эту какофонию света и звука не с ужасом, а с холодным, вымученным расчетом.

«Хорошо, — гудели в его голове размеренные, усталые мысли. — Бьют на подавление. Значит, сегодня ночью „баба-яга“ со своим звуком газонокосилки не прилетит. Не придётся поднимать пацанов...»

Он представил их, спящих в липкой, пропахшей потом и табаком тесноте блиндажа. Не придётся вышибать их оттуда в декабрьскую стужу, заставляя палить вслепую, тратя патроны на звук в чёрном небе и молиться, чтобы сверху не прилетел снаряд.

В горле скребло сухо. Захотелось курить — не для удовольствия, а чтобы перевести дух. Он полез в карман, нащупал знакомую, сплюсненную форму пачки сигарет. Достал. Пачка «Нашей Марки» была легка и пуста. Он потряс её, словно надеясь на чудо, на завалившийся в уголке одинокий цилиндрик. Тишина. Медленно, он смял пачку в ладони, затем бросил под ноги и придавил грубым берцем, втиснув в мёрзлую грязь.

Поправив на плече автомат, чей приклад отзывался в плече знакомой, уставшей болью, он выбрался из ямы и, сгорбившись, пошёл по траншее. Снег под ногами хрустел, как битое стекло. В соседнем окопе, больше похожем на нору, сидел Серёга, Малой. Его было видно лишь по скупому, дрожащему отсвету окопной свечи — жестяная банка, внутри густая тень, а над краем слабый, жёлтый язычок пламени, неспособный осветить даже склонённое над ним лицо. Он грел над ним ладони, сложенные лодочкой, и тень от его рук плясала на земляной стене, огромная и неуклюжая.

— Малой, — прошептал Валерий, сползая вниз, в тесноту, пахнущую сыростью, металлом и воском. — Есть курить?

Малой молча, не отрывая глаз от огонька, протянул ему пачку. «ВТ». Бумага на уголке была испещрена мелкими, острыми зубками — работа мышей. Валерий скривился. По-

грызенная пачка — дело привычное, эти твари были тут полноправными хозяевами. Но вот сами сигареты... Табак внутри был жёсткий, кисловатый, но это был табак. Он выдержал одну, помял фильтр, сунул в губы. От пламени свечи кончик затлел, запылал на секунду. Он затянулся глубоко, с силой выдохнул дым, который закружился над пламенем свечи. И только тогда тело, сжатое в один большой спазматический узел, чуть отпустило. На четыре часа до смены караула должно хватить.

Уже дома, в мирной жизни, где тишину нарушали только гул холодильника и детский смех за стеной, Валерий понял, что у него ПТСР. Понял не сразу, а долго и мучительно, как нащупывают осколок под зажившей кожей. Он не кричал по ночам, не падал на землю при хлопке петарды. Война ушла из него тихо, но оставила минное поле в подсознании.

У всех, прошедших эту мясорубку, оно было. Только проявлялось по-разному: у кого-то взрывами ярости, требующими лечения и смиренных рубашек; у кого-то — тихими, странными ритуалами выживания, которые уже не имели смысла. У Валерия был второй случай.

Его ловушкой оказались сигареты. Вернее, их отсутствие. Как только пачка в кармане истончалась, подходила к последним трём-четырёх штукам, в нём просыпалась холод-

ная, животная паника. Это не было желанием курить. Это был чистый, концентрированный стресс. Ему нужно было не никотина, а факта: полная, запечатанная пачка. Прямо сейчас. С утра, если он просыпался и не находил пачки сигарет на кухонном столе, мир вокруг покрывался трещинами. Он ощущал себя загнанным зверем. Это была ломка ветерана, не тело требовало дозу, а душа — гарантию. Это был психологический спазм, равный последней сигарете перед расстрелом. Той самой, которую дают приговорённому в надежде, что пока он тянет этот едкий дым, случится чудо: примчится гонец с помилованием, враг дрогнет, земля разверзнется. Пока пачка полна — жизнь, её хрупкая передышка, продолжается. Как только она появлялась в кармане, тяжёлый груз спадал с плеч. Он выдыхал. Успокаивался. И мог жить дальше, начиная всё сначала — до следующего раза.

В самом начале всего, в однокомнатной квартире пятиэтажки, где воздух всегда был густ от запаха варёной картошки и ковров, у стены стояла детская кроватка. Обои были бледные, невзрачные, в мелкую вертикальную полосочку, которая в полумраке плясала перед глазами, если долго смотреть.

В кроватке, за высокой деревянной решеткой, плакал маленький Валерий. Плакал не горько, а устало и безнадежно, потому что в голове у него жила боль. Не просто головная, а

сконцентрированная в одном ухе — острая, пульсирующая, раскалённая игла, которая вонзалась в мозг с каждым ударом сердца. Он простудил его, это ухо, накануне на прогулке, и теперь оно мстило ему.

Мама, с лицом, расплывшимся от сна и беспокойства, уже закапала туда из холодной пипетки какие-то маслянистые капли. От них ухо изнутри наполнилось странной, тяжёлой влагой, онемело по краям, но боль в самом центре не сдавалась, лишь стала глуше, как запертый в подвале зверь. Мать смотрела на него сверху, поджав пухлые, усталые губы. В её глазах плавала растерянность и вина. Она поправляла на его голове сложенное в несколько раз полотенце, а в нём, внутри, лежал самодельный мешочек с горячей солью.

Сначала соль была огнём. Она жгла через ткань, обжигала кожу, добавляла новый, ясный и понятный поверхностный ожог к той дикой, внутренней пульсации. Валерий метался, хныкал, пытался сбросить эту пытку. Потом жар начал спадать, превращаясь в ровное, глубокое, всепроникающее тепло. Оно обволакивало костяную крепость черепа, продавливалось внутрь, к самой боли, и та, встретив это упрямое тепло, начала отступать, сжиматься, таять.

Измученное тело наконец дрогнуло. Тяжёлые веки налились свинцом. Сознание, зажатое в тисках между болью и

наступающим облегчением, пошатнулось на самой грани. И в этой щели, в этом провале между явью и сном, в его трёхлетней голове возникла чужая, взрослая, отточенная мысль, кристально ясная и не вызывающая удивления:

«Сука, чуть не сдох!»

Мысль пронеслась и растаяла, как тот самый дым над окопом.

— Вроде уснул... — услышал он шёпот матери над кроватью. Её пальцы, прохладные и нежные, поправили одеяло. И тогда он окончательно провалился в тёмную, бездонную воду забвения, унося с собой в глубину память об огне, который жжёт, и о тепле, которое спасает.

Глава 2

Утро

Холодная, серая муть предрассветного неба только-только начала светлеть, когда трескотня автоматных очередей в соседних лесопосадках разорвала тишину. Валерий вздрогнул, всем телом ощутив эту вибрацию в воздухе, и мгновенно напрягся. Сознание пронзила острая, знакомая игла адреналина. Он прислушался, затаив дыхание. И сквозь отдалённую пальбу его слух, отточенный месяцами этой жизни, безошибочно выцепил другой звук – высокое, яростное жужжание, похожее на рой металлических ос. «Камикадзе».

Пальцы, заочневшие от утренней сырости, на ощупь нашли выпуклую кнопку рации. Он вжал её, и в тот же миг, почти перекрывая нарастающий вой, крикнул в микрофон: «— Камикадзе!» Сверху, будто бритвой по стеклу, с бешеной скоростью пролетел дрон. Видеть его Валерий не мог. Его укрытие, низкое и тесное, пахло влажной землёй, прелыми листьями и мышами было вкопано в глинистый склон и сверху завалено целыми, вывернутыми с корнями деревьями.

Со стороны блиндажа штаба батальона, метрах в двух-

стах, раздалась длинная автоматная очередь, рвущая тишину в клочья. И следом – короткий хлопок и взрыв.

В наушниках зашипело, захрипело, и сквозь помехи, будто из-под толстого слоя воды, прорвался искажённый, ликующий голос штабного караульного: «— Сука, подбил!»

«— Куда он влетел?» — резко перебил его по рации озабоченный голос комбата.

«— Никуда! Подбил я его над полем, одной очередью!» — захлёбывался от восторга караульный.

«— Да гонишь ты всё!» — недоверчиво прошипела рация и затрещала помехами.

«— Да отвечаю!» — настаивал часовой.

Валерий слушал эту перепалку, не выпуская из рук холодный пластик рации. В груди, под рёбрами, где-то глубоко, медленно разошлась тяжёлая, тёплая волна облегчения. Успел. Предупредил вовремя. Он выдохнул, и пар от дыхания повис в ледяном воздухе укрытия. Но это облегчение было мимолётным, как тот первый луч солнца, что так и не пробился сквозь облака. Он знал: за сегодня этот дрон будет не последним. Утро только началось, а с ним – бесконечный, изматывающий день. Каждое утро здесь все начиналось сначала.

А другое утро начиналось с солнечного квадрата на лино-

леуме.

Восьмилетний Валерий сидел на кухне, за столом, залитым тёплым светом от окна, и неторопливо пил крепкий, сладкий чай, заедая его бутербродом с варёной колбасой. Над столом висело самое простое радио с одной кнопкой. Из его динамиков лился мощный, торжественный поток музыки и слов – хор исполнял Гимн. Гимн Валерию нравился. Не просто нравился – он ощущал его физически: мурашки бежали по спине, когда нарастали медные, и грудь сама собой расправлялась. Это была музыка из другого, большого мира, мира парадов и космических кораблей, но здесь, на уютной кухне, она звучала как часть домашнего утра, как запах хлеба.

Дожевав последний кусочек, он обул сандалии, надел на плечи пахнущий новым дерматином ранец и, хлопнув дверью, спустился во двор. Во дворе его уже ждал Олег с второго этажа. Он что-то расковыривал палкой в земле, но, увидев друга, тут же оживился. Они дружили с первого класса и каждое утро вместе ходили в школу одной и той же дорогой, выверенной до шага.

Размахивая холщовыми мешками со второй обувью, которые били их по коленкам, мальчишки пошли вдоль длинного, как целый мир, панельного дома, от тени к солнцу.

— Что у тебя сегодня на обед? — спросил Олег, подбра-

сывая свой мешок и ловя его. Этот ритуал был неотъемлемой частью их пути.

— У меня бутерброды с колбасой, — честно ответил Валерий, придерживая ранец, который норовил соскользнуть.

— А у меня... — Олег сделал театральную паузу, сверкнув глазами, — Пряники!

И они оба рассмеялись, потому что смеялись над этим каждое утро. У Олега в ранце почти всегда были пряники. Его семья была большой, шумной, и каждый день делать бутерброды с колбасой на всех его мама не могла. Олег никогда не хныкал и не заглядывал завистливо в чужой ранец. Он просто взял эту ситуацию и превратил её в ежеутреннюю шутку, в их маленькую, никому не понятную традицию.

— Видел «Вожди Атлантиды»? — спросил Олег, и его лицо сразу стало восторженным и озарённым изнутри воспоминанием.

— Видел! — оживился Валерий, — В субботу в «Сатурн» ходили!

— Я тоже видел! — перебил Олег, захлёбываясь, — Нас папа тоже в «Сатурн» водил! Здоровское кино!

— Очень здоровское! — согласился Валерий, и они на секунду замолчали, переживая заново увиденные чудеса.

— А что ещё видел? — не отставал Олег. Кино было для них окном в невероятное, и каждое новое название было сокровищем.

— «Легенду о динозавре» видел и... и «Гонщик Серебряной Мечты», — с трудом вытащил из памяти названия Валерий.

— О-о-о! Я тоже «Легенду» видел! — Олег подпрыгнул на месте, замахал руками, изображая то ли птеродактиля, то ли просто безудержную радость. — Здоровское кино!

— Только страшное, — кивнул Валерий, — Я в середине, глаза закрывал.

— А я нет! Я смотрел! — гордо заявил Олег. — А «Гонщик Серебряной Мечты» — там про что?

— Про мотоциклиста, — начал с важным видом рассказывать Валерий, сбиваясь и путая сюжет. — У него был особенный мотоцикл, быстрый-быстрый, «Серебряная Мечта» назывался..., и он на нём всех обгонял, а в конце... в конце он, кажется, взорвался.

Друзья уже подошли к зданию школы. У крыльца клубилась знакомая утренняя суета.

— Выйдешь сегодня гулять? — спросил Валерий у друга.

— Меня мамка не пустит, — Олег сделал грустное лицо и развёл руками. — Я двойку получил по матике, потому что задачи не выучил. Теперь наказан.

— Ну я всё равно к тебе зайду — пообещал ему Валерий.

Они подошли к дверям, показали дежурным старшеклассницам свои мешки, переобулись на скамейке в прохладном вестибюле и, крикнув друг другу «Пока!», разбежались по

своим классам, навстречу шуму, звонкам, запаху мела – навстречу целому, нерастраченному дню, который лежал перед ними, как чистый лист в альбоме.

Глава 3

Снег

Снег падал тихо и неумолимо, как время, затягивая белым саваном палаточный городок полигона. Сюда, в этот временный лагерь, свозили мобилизованных со всей страны, расформировывали их полки и раскидывали людей, как щепки, по разным направлениям фронта. Воздух был густ от нервного напряжения и неопределенности. Валерий, прошедший со своим полком боевое крещение за «ленточкой», и успешный привыкнуть к конкретному, пусть и смертельному хаосу, здесь чувствовал себя хуже всего. Его напрягала эта тягучая, административная неизвестность. Неизвестность, которую невозможно самому контролировать.

Ожидание затягивалось, становясь самостоятельной пыткой. Валерий с каждым днем курил все больше, не замечая вкуса табака. Для звонков домой он каждый вечер отходил подальше от лагеря, к самому краю леса, где тишина была гуще. Говорил обрывисто, успокаивающе: ещё ничего не решено, кормят нормально, холодно, скучно. Не говорил о главном — о тоске, разъедающей душу хуже ржавчины, об ожидании, которое сводит с ума, о пьянстве, что по ночам поднималось из углов палаток, как болотный туман.

Пили здесь те, кто пил и дома. Война лишь обнажила ста-

рые проблемы. Алкоголик везде найдет водку, в любых условиях.

— Ну я вам честно скажу, ни хотел я пить! Верите-нет?
— палатка распахнулась, впустив вихрь холодного воздуха и Геннадия с позывным «Большой». Он говорил с ходу, обращаясь в пространство, будто оправдываясь перед незримым трибуналом. Валерию было глубоко наплевать на хотелки Большого, но тот уже нашел себе оправдание и теперь демонстративно, с театральным вздохом, достал из-под бушлата бутылку и с сухим, зловещим щелчком отвинтил пробку.

— Дайте кружку! — бросил он вызов тишине, оглядывая палатку влажным, уже мутнеющим взглядом.

— Ну так возьми свою! — послышались усталые голоса из темноты. — Твой рюкзак в двух шагах.

Проклинаая всех скопом, Большой тяжело переступил, будто шагал по палубе во время качки, вытащил из рюкзака алюминиевую кружку и налил. Жидкость забулькала. Горлышко чуть звякнуло о край.

— Ну, за тебя, Геннадий! — торжественно провозгласил он тост самому себе и залпом опрокинул в горло. Никому больше не предложив.

— Ну, началось... — тихо, с безнадежной усталостью протянул взводный, слишком хорошо зная сценарий этой пьесы.

— Что началось?! — Большой взвился мгновенно, как будто только и ждал приказа. — Ты мне что-то хочешь сказать?!

— Что тебя так расстроило, Геннадий? — спросил взволнованный, играя по написанным правилам.

Этот вопрос был сигналом. Большой только его и ждал.

— Я сейчас разговаривал с прокурорскими... — начал он свой бесконечный монолог, делая паузы, полные мнимой значительности. Его голос то взлетал до высокого крика, то падал до конспиративного шепота. Он вываливал наружу груды слов — страхи, сплетни, обрывки воспоминаний, фантазии, похожие на бред. Ему казалось, что его внутренний ураган должен быть интересен всем. На самом деле, он просто тонул в нем сам и тянул за собой окружающих в этот липкий, пьяный омут. Запервой бутылкой, как по расписанию, появлялась вторая. Тишина ночи в палатке рвалась на клочья. Кого-то он будил, тыча в плечо влажной лапой, кому-то кричал прямо в ухо, сам не зная зачем. Валерий, проживший рядом с ним несколько месяцев, уже выработал своеобразный иммунитет — просто отключался, уходя в себя, как в глухую оборону. Они не любили друг друга молчаливо и спокойно, но и не нарывались. Даже в угаре Большой инстинктивно обходил Валерия стороной, а тот платил ему той же монетой — железным, презрительным молчанием. В эту ночь чаша терпения переполнилась у кто-то из молодых. Раздался глухой удар, короткая ругань, и затем воцарилась благословенная, звенящая тишина. Большой, сраженный одним точным ударом, забылся тяжелым, мертвым сном. Он ничего не помнил.

Утром Валерий вышел из палатки, вдохнув воздух, пропахший дымом и запахом еды с полевой кухни. Ночь убрала все следы суеты, снова отдав мир снегу. Он падал с низкого неба большими, неторопливыми хлопьями, забирая с собой звук. Валерий закурил, запрокинул голову и следил за бесшумной круговертью. Он пытался думать о снеге — только о нем, о его холодной геометрии, чтобы не думать ни о чем другом.

— Я перед тобой ещё не извинялся?

Валерий опустил взгляд. Рядом стоял Геннадий. Под его глазом цвел свежий, лиловый синяк, но в самом взгляде не было ни вчерашней агрессии, ни театральности. Только усталая, почти детская растерянность.

— Извини меня, пожалуйста, — сказал он просто, без пафоса.

— Ты береги себя, — так же просто ответил Валерий, кивая. Он не стал спрашивать, не стал вникать. Здесь все было понятно без слов.

— Начнём сначала? — Геннадий протянул руку, крупную, исчерченную морщинами.

Валерий помедлил на секунду, потом пожал её. Ладонь была холодной и шершавой, как наждак.

В этот миг мимо них, взрывая хрустальную тишину топотом и лязгом, пробежал пехотный взвод в полной выкладке.

Ребята дышали частым паром, лица были напряжены и собраны. Они уже знали свой вектор. Мир снова качнулся, напоминая о своем единственном, настоящем порядке.

Перед самым Новым, 1983-м, мама послала Валерия в магазин за хлебом. Натянув ушанку и сунув руки в колючие варежки, он выскочил из подъезда с авоськой в руках — и замер.

Двор был погружен в абсолютную, немислимую тишину. Снег падал густо и торжественно, большими, пушистыми хлопьями, которые медленно кружились в холодном солнечном свете. Он укрыл мир идеальным, нетронутым слоем ваты: газоны, кусты, детские горки, одинокую «Победу» у бордюра — всё стало частью одного белого скульптурного рельефа. Ни одного следа.

Валерий, затаив дыхание, оглядывался. Двор был пуст, как сцена перед спектаклем. Только из приоткрытого окна первого этажа лилась песня, смешиваясь с тишиной:

Снег кружится, летает и тает, и позёмкою клубя, замечает зима, замечает...

Голос был мягким и слова ложились прямо на сердце. «Совсем как в кино», — с восторгом подумал Валерий. И тут же, неожиданно остро, пришла мысль, ясная и звонкая: «Надо запомнить этот миг. Запомнить навсегда. Завтра Но-

вый Год. И всё... всё начинается сначала».

Он стоял под козырьком, не решаясь ступить на девственную гладь и разрушить это совершенство, слушал песню и чувствовал, как внутри него растет огромное, светлое предчувствие счастья. Оно было таким же белым и безграничным, как этот снег.

Глава 4

Плацкарт

Поезд шёл, запутывая следы, как зверь, уходящий от погони. Он долго простаивал на глухих запасных путях, среди рельсов, покрытых рыжей шершавой ржавчиной — эти стальные нити уже давно ничего не ждали и никуда не вели. Затем, будто набравшись терпения, он разогнался по ночам до монотонного свиста в щелях вагонов, и этот звук сливался с ветром и темнотой. На подступах к большим городам состав внезапно менял направление, качаясь на стрелках, и отблески чужих огней скользили по стёклам, как вспышки далёкой, не нашей жизни. За окном, будто кадры немого кино, промелькнуло плоское, как блюдо, свинцовое Азовское море; потом — стройные, негнущиеся свечи воронежских сосен; потом — угрюмая паутина труб и цехов промзоны Волгограда; и наконец — заснеженные, безлюдные платформы Курской области, где ветер гонял по перрону позёмку, единственную живую душу.

Куда их везли, никто не знал. Проводницы хранили молчание и на все вопросы лишь пожимали плечами, отводя взгляд. Но сейчас это было не важно. Важны были эти трое суток — выпавшая из времени щель, чтобы отдохнуть в дви-

жении и тишине, в своём купе на четверых. В плацкарте пахло пластиком, сукном и пылью, но матрацы были мягкими и упругими, подушки хранили сон. Было тепло, от батарей шёл ровный жар. Был сухпаёк с его консервной поэзией — тушёнкой, галетами, сгущёнкой. Был неиссякаемый кипяток, дымящийся в кружках. В тамбуре, где хлопали двери и гулял сквозняк, можно было курить, глядя на мелькающие телеграфные столбы. А больше Валерию было ничего не нужно. Он забрался на верхнюю полку, в свой импровизированный гнездовой айсберг, уткнулся лицом в прохладную стенку и просто кайфовал, чувствуя, как тяжёлая усталость покидает тело вместе со стуком колёс.

Их полк мобилизованных ехал из Ростова в непонятно куда. Эта передышка была как дар, как нечаянная милость. Бойцы, измотанные до состояния чёрствого сухаря бесконечными марш-бросками, погрузками и разгрузками, теперь просто отсыпались, храпели на все лады, читали новости в смартфоне и смотрели в окно. В купе витала ленивая, сонная атмосфера перемирия с реальностью.

— Да я бы так неделю ехал! — выдохнул общее чувство Серёга, земляк Валерия, растянувшись на нижней полке. Его голос звучал как молитва.

Валерий был с ним полностью согласен, он кивнул, не

открывая глаз. Вместе с ними ехал товарищ Серёги — Димон. Инженер-электрик из Самары, спокойный, интеллигентный парень в очках. Но за этим спокойствием чувствовалась стальная пружина — характер. Рядом, у окна, сидел Алекс, с которым Валерий прошёл всё от начала и до самого этого вагона и верил ему, как самому себе. Алекс не отрывался от телефона, переписываясь с молодой женой; лёгкая улыбка время от времени касалась его губ, и он был где-то далеко, в своей только что обретённой и уже отнятой жизни.

Серёга смотрел на телефоне видео: его сын, пухлый карапуз в синей куртке, скатывался с ледяной горки, а жена, смеясь, махала рукой в камеру. Он улыбался своей широкой, открытой улыбкой и, тыча пальцем в экран, показывал видео Валерию. Димон тихо переписывался с родителями и коллегами; была ли у него семья, Валерий так и не узнал.

Поезд неспешно полз по карте. Утро начиналось с густого, горького кофе, разлитого в железные кружки. В обед с хрустом и треском рвались коробки сухпайков, и воздух наполнялся запахом тушёнки и лаврового листа. Они читали книги на телефонах, спорили о чём-то неважном, смеялись. Это был самый короткий и самый спокойный отрезок в их военной биографии, вырванный у войны клочок тихого времени.

Серёга погиб в прошлом году, протянув четыре года ада.

Алекс пропал без вести после одного штурма, как капля воды на раскалённой плите. А что случилось с Димоном — не знал никто. И, кажется, никто его уже и не помнил, будто и не было вовсе такого спокойного парня в очках. Из всего того плацкарта, из того братства тишины и передышки, Валерий остался один. Вернулся домой и начал всё сначала. А по ночам ему иногда снился стук колёс.

Отец Валерия играл на баяне. Каждый семейный праздник — день рождения, Новый год, просто суббота — начинался с того, что из чехла, пахнущего чем-то особенным, извлекался тяжёлый, блестящий инструмент. И тогда воздух в комнате начинал вибрировать, наполняясь густыми, медовыми звуками. За накрытым клеёнчатым столом собирались гости: друзья родителей, родственники с их громкими головами. Пили, говорили длинные, витиеватые тосты, поднимали бокалы, и песня подхватывалась всеми — сначала тихо, вполголоса, а потом уже громко, с чувством, на разрыв.

Сестра Валерия, маленький комочек в белом чепчике, сидела в манеже. Она демонстрировала всем розовые, голые, бубликами пятки, пускала слюнные пузыри и тарасила беззубым ртом огромные, карие глаза на это шумное веселье.

— Валера, следи за сестрой! — строго, на бегу, бросала мама, проносясь из кухни с дымящейся миской картошки в

мундире и обратно с пустой посудой, звенящей в её руках.

Сестрёнка, словно поняв приказ, радостно угукала и предпринимала дерзкую попытку сбежать, неуклюже переваливаясь на четвереньках. Валерий ловил её аккуратно на полпути к свободе, подхватывал под мышки и водворял обратно в центр одеяла. Она теряла в этой спешке свою яркую погремушку, лицо её сразу сморщивалось, готовое взорваться плачем. Отчего такая трагедия — Валерий не понимал.

— Дай ей погремушку! — звучала новая команда с кухни, и он, как послушный механизм, вкладывал прохладную пластмассовую игрушку в пухлую, цепкую ладонь. Сестра мгновенно забывала о горе, хватала её, заливалась торжествующим смехом и начинала трясти под развесёлый перебор баяна, будто дирижируя этим хором взрослых.

Потом, когда стол опустеет, а голоса станут тише и задумчивее, взрослые ставили на проигрыватель новую пластинку, и комната превращалась в танцпол. Они кружились, смеялись, а тени от лампы плясали на стенах. А Валерия с сестрой, уже сонных, уводили в детскую, застилали одеялами. За стеной, приглушённо, продолжала играть музыка, смешиваясь со стуком ног по полу. Завтра будет новый день. Тогда это было навсегда.

Глава 5

Лес

Лес, когда-то росший у этой деревни, был вырублен под корень. Сосны, высокие и прямые, стоявшие здесь не один десяток лет, пошли на наши блиндажи. Поляны вытоптаны, земля изрыта до глины неровными воронками. Между деревьев валялась ржавая, сгоревшая техника, уже успевшая врасти в землю. Обломки железа, резины, пластика и прогнившей ткани покрыли всё вокруг. Когда-то уютное место превратилось в экологический кошмар. Остатки сосен выкорчёвывали до сих пор.

Но деревня жила. За дворами виднелись детские песочницы и качели. В небе постоянно стоял подозрительный свист, слышались выстрелы и прилёты, а рядом с песочницами играли дети. Они бегали, смеялись и громко кричали.

Для Валерия это было дико. Он уже насмотрелся на заминированные поля без конца и края, на островки ярко-красного мака среди распаханного чернозёма, на дороги, разбитые до состояния конца света, и на автобусные остановки, пробитые осколками. О полностью разрушенных домах и говорить нечего. Но этот лес... Леса, бывшего единственным

украшением деревни, было особенно жаль. Раньше это был рай. Валерий хорошо это представлял.

Но жизнь сделала его циником. Так и должно было быть, если хочешь выжить. Цинизм не рождается на войне — с ним на войну нужно приходить. Со своим жизненным опытом. Валерий давно не любил людей в общей массе и отлично знал, на что способна толпа. Он научился ей не доверять и мимикрировать, подстраиваясь под её желания. С таким характером на гражданке было тяжело, зато здесь, на войне, это было самое то. Валерий чувствовал себя как рыба в воде.

Он прокрутил все эти мысли в голове, глядя на девочку, со смехом догонявшую мальчика на велосипеде. Над ними пролетели два боевых вертолётa.

Каждые зимние выходные отец с матерью выбирались в лес на лыжах. Оба надевали лыжные костюмы, специальные ботинки, шапки с помпонами и надписями «Олимпиада-80». Валерия тоже брали с собой. Ему купили маленькие синие лыжи с рисунком зайца из «Ну, погоди!» и короткие лыжные палки. Валерий не умел кататься, но от него этого и не требовалось — нужно было лишь держать равновесие. Отец просверлил в его лыжах дырки и привязал их к своим бельевой верёвкой, чтобы тащить сына за собой. Когда Валерий научился стоять, то понял, зачем нужны палки. За од-

ну зиму отец научил его кататься. Валерий очень гордился этим перед друзьями, хотя и не рассказывал, откуда на лыжах дырочки.

Вот так они и ходили по лыжне: впереди мама, за ней отец, а позади, усердно работая палками, — Валерий. Он старался не отставать, вдыхал морозный воздух с запахом хвои, смотрел то на снег, то на небо. Этот лес, эти сосны были самыми родными и красивыми. «Берегите лес!» — читал Валерий, проезжая мимо железного щита. И был с этим абсолютно согласен.

Глава 6

Лето

КамАЗ под утро догорёл до пепельного каркаса. В холодном предрассветном воздухе дымились, вздыхая чёрным, только оплывшие остатки шин. Всё произошло на глазах у Валерия, будто в страшном спектакле.

Ещё вечером грузовик, ревя мотором, свернул с накатанной дороги и встал напротив расположения танкистов. Водитель, молодой парень, выпрыгнул на землю, звучно хлопнул дверью и почти бегом скрылся меж земляных холмов соседской позиции. Машина осталась наедине с наступающими сумерками, под скудной сенью трёх кривых деревьев, тянущих голые ветви к низкому небу.

— Надо бы ему сказать, чтобы здесь машину не оставлял. Темнеет уже, сейчас она прилетит, — тихо проговорил Валерий своему напарнику Малому. Голос его звучал устало, но в нём слышалась привычная тревога. «Баба Яга» здесь была не сказкой, а жестокой реальностью.

— Ну а где он есть? — Малой, шурясь, вглядывался в сгущающуюся синеву за посадкой, пытаясь поймать движение,

ть, любой признак жизни у соседей. — Он как вышел, так и пропал.

— Плохо, — отрезал Валерий.

Водитель до темноты так и не объявился. А потом стало уже не до него. Ночь накрыла все темнотой, оставив лишь звуки. Валерий и Малой превратились в слух, натянутый как струна. Забравшись в свой узкий окопчик, наспех прикрытый сверху рваным брезентом и ветками, Валерий присел на пустой, прохладный ящик из-под патронов. Он занавесил вход плащ-палаткой и достал смартфон. Убавив яркость экрана до минимума, он уткнулся в строки электронной книги. Но глаза его скользили по буквам механически; всё его существо было отдано ушам. Он научился различать шёпот войны: тяжёлый перекат гусениц за холмом, осторожный шаг патруля, шорох крыс спящих вокруг. Но главным был звук с неба — похожий то ли на звук мопеда, то ли газонокосилки. Именно он, этот звук, нес смертоносные грузы. Для этого они с Малым и сидели сейчас в этой яме, чтобы вовремя услышать приближение и заранее объявить тревогу.

Через два часа он его услышал. Звук плыл сверху, нарастая из тишины, будто небесный токарь начал точить невидимую ось. Сердце Валерия дробно стукнуло. Палец сам нажал кнопку рации.

— К нам Баба Яга! Встречайте! — голос его был сух и

корректен, без тени паники. Он дёрнул затвор автомата, и сухой, металлический щелчок дослал патрон в патронник. Откинув тяжёлую ткань плащ-палатки, он, согнувшись вдвое, выскочил из норы. Холодный воздух обжёг лёгкие. Он поймал ухом направление гула мотора — где-то над лесопосадкой — и дал длинную очередь в чёрный купол неба. Оранжевые трассера, как раскалённые иглы, вонзались в темноту и гасли. Рядом, из-за бугорка, яростно стрелял Малой.

«Яга», казалось, лишь посмеивалась над этой бурей внизу. Она плыла медленно, величаво, её гудение то удалялось, то вновь надвигалось. Сделав широкий круг над штабом, где не нашла желанной добычи — техники, она вернулась, будто обозлённая пустотой, и замерла в воздухе прямо над укрытием Валерия. Невидимая, всевидящая, она выбирала цель. Валерий, стиснув зубы, сменил магазин и снова швырнул в темноту свинцовый град, ориентируясь только на ненавистный гул. И тогда грохнуло.

Взрыв был оглушительным, каким-то сокрушающим, тяжёлым. Воздух сплющило в плотную стену, ударившую в грудь. Валерия швырнуло на дно окопа, сырая земля въелась в щёку. Над самым ухом пронеслось шипение и свист осколков, яркие искры на миг высветили изнанку его укрытия. И сразу — треск, рёв огня. Заревом, колеблющимся и диким, вспыхнули те самые три кривых дерева, отбрасывая на зем-

лю пляшущие, чудовищные тени.

С треском и хрипом ожила рация.

«Куда попадание? Где горит?» — голос из штаба был сдавлен помехами.

«Это не у нас! — выдохнул Валерий, отплёвываясь от земли. — У соседей! КамАЗ!»

«Где водитель?» — последовал немедленный вопрос.

Валерий приподнял голову над окопом. К пылающему костру, бывшему машиной, уже бежала фигура. Он окрикнул, резко махнул рукой.

— Сюда! Давай!

Человек, спотыкаясь, прыгнул в окоп, пахнувший дымом и потом.

«Водитель с нами!» — доложил Валерий, глядя на перекошенное от ужаса и отблесков пламени лицо парня.

— Ты куда пропал? — прошептал он, не снимая глаз с неба. — Ждали тебя, хотели сказать — уезжай. Здесь каждую ночь она летает.

— Я... я в кабине автомат оставил, — вдруг простонал водитель, хватая Валерия за рукав. — И гранаты. Две штуки.

Взгляд Валерия встретился с его взглядом. Вспышка огня осветила в них одинаковое понимание.

— Сейчас всё рванёт, — тихо сказал Валерий. — Я — в укрытие. А ты беги, к нашему штабу, в ту сторону, все время прямо. Там тебя в блиндаж определяют. Здесь уже ничего не

сделать.

«Водитель выдвинулся к вам!» — Доложил Валерий в эфир.

«Принято!»

Два глухих, сухих хлопка, один за другим, разорвали кабину КамАЗа изнутри. В окоп швырнуло новую порцию горячего металла. Осколки, дымящиеся и тускло красные, как угли, упали недалеко. Валерий молча стал загребать на них сырую землю. Они зашипели, сдаваясь. Захлопали патроны, разрываясь в огне.

«Что там у вас? Опять стрельба?» — голос в рации был напряжён до предела.

— Гранаты в кабине... — пояснил Валерий, и в наступившей после его слов тишине эфира прозвучало одно сдавленное, отборное матерное слово. Затем — тишина.

На рассвете пришёл УАЗ, выплюнув из своих недр уставших спецназовцев. Они стояли, заложив руки за бронежилеты, и смотрели на дымящийся скелет грузовика. Их жесты были резки, голоса возбуждённо взрезали утренний воздух. Один из них заметил Валерия, выглядывающего из окопа.

— Что тут было? — спросил он, кивнув на груды обгоревшего металлолом, ещё вчера бывшего их боевой машиной.

— Баба Яга, — просто ответил Валерий.

— А водила? Он живой вообще?

Валерий нажал кнопку. «Приехали за водителем. Пусть выдвигается».

Сдав караул и дойдя до своего блиндажа, Валерий упал на нары и тут же уснул. И тогда память, всегда живущая где-то параллельно или во сне, нажала свою кнопку.

Ему всегда нравились пленэры. Школьный класс, весёлый и беззаботный, собирался на конечной остановке автобуса. Оттуда — пешим строем, с этюдниками на плечах, словно отряд странных рыцарей, вооружённых кистями, — до высокого берега Волги. Там, найдя свою точку обзора, с которой на лист ложилась вся композиция — песчаный откос, тёмные ели, безбрежная река, теряющаяся в утренней дымке синие горы-призраки на том берегу. Валерий погружался в работу. Шуршал по зернистой бумаге карандаш, делая первые прикосновения. Потом — акварель, игра случайных подтёков, которые он укрощал движением кисти, превращая в облака, в отражения, в дымку. Когда главный лист, влажный и сияющий, отправлялся сушиться, он брал новый чистый ватман и делал наброски простым карандашом, выписывая каждую деталь: пушистый шар одуванчика, готовый разлететься от дуновения; лист подорожника; причудливый изгиб сухой ветки. Утренняя тишина была наполнена смыслом: стрекот кузнечиков, запах полыни и далёкий крик чайки. Это было состояние гармонии. Он не мечтал о карьере художни-

ка, слишком многое в той профессии казалось ему непонятным. Но эти навыки развивал в художественной школе. Преподаватели хвалили его за «взгляд», а с одноклассниками он до сих пор поддерживает связь. Они не знают, где он сейчас. Он никогда не звонит им оттуда, бережно ограждая тот, прежний мир, сохранившийся в памяти как законченная акварель, от дыма, гари и воющего в небе железа.

Летнее солнце к полудню начинало припекать по-настоящему. Искупавшись в прохладной воде и аккуратно сложив работы в папку, они тем же строем возвращались назад, до следующего утра, чтобы начать всё сначала. Этот цикл — от чистого листа к законченной работе, от утренней прохлады к полуденному зною — казался вечным, единственно возможным законом бытия.

Рывок БМП. Трос лязгнул, натягиваясь. Остов КамАЗа, скрипя и цепляясь, пополз по земле, оставляя за собой не борозду, а шрам. Валерий смотрел на это, стоя в своём окопе. В одной реальности тянули за тросом сгоревший металл. В другой — он сам шагал с мольбертом по солнечному берегу, и обе эти линии существовали в нём одновременно, не пересекаясь, но и не разрываясь окончательно.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.